

Как-то, будучи в Москве, я купил экзепляров двадцать этой злополучной книжки и раздал их друзьям и знакомым. Потом мне говорили: «Великий палеонтолог Меннер ходит по коридору, зажимает людей в угол и зачитывает их стихами: «Откуда это чудо? Кто такой этот Алексей Решетов? Не думаю, что кого-то можно сейчас поставить с ним рядом». Академик был ценителем поэзии высокого класса, выстраивал ряд Есенин, Соколов, Окуджава. Решетов, Рубцов. Их строки аукаются. Но лириков чистой воды двое — Решетов и Рубцов.

Решетов:

*Золотую девичью ресницу
Я нашёл между книжных страниц...
Я смеялся и ведаю не ведал,
Что вот-вот, точно сказочный змей,
Никого не жалеющий ветер
Прилетит за подругой моей.*

БРОДЯГА ПЫТАЕТСЯ ОБУСТРОИТЬ НЕ ЖИЗНЬ СВОЮ, А СМЕРТЬ — ПРЕДСТОЯЩЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕБЕСА

Соколов отвечает:

*И чья-то настольная книга
Должна трепетать на столе,
Как будто в предчувствии мига,
Что всё это канет во мгле.*

Но Решетов, мне кажется, единственный человек, от слов которого так трепещут наши бедные сердца.

*Восемь строчек, четыре строки...
Скоро снега седенькие лягут,
Волки пьют вино из волчьих ягод,
И стоят осинки на ветру,*

Красные,

Как гибель на миру.

Слово «красные» стоит отдельно, подобно осинкам.

*Слова его будто светятся.
И я сцеловываю слёзы
С ея ланит, с дрожащих век.*

Александр Грину хватило трёх строчек:

*Утро всегда обещает...
После долготерпения дня
Вечер грустит и прощает...*

И вправду, четвёртая строка — зачем? Алексей несколько раз говорил, что когда-нибудь будет писать стихи в одну строку.

Сколько у Лёши стихов о маме, о бабушке! Володя Михайлюк рассказывал:

«Однажды он поднял меня ночью:

— Я написал стихи о маме.

— Хорошо.

— Уж сколько зим — не знаю сам —

Скребётся вьюга по окошку.

А ты всё бродишь по лесам,

Сбираешь ягоду морошку.

Понимаешь, я её похоронил в стихах.

Что делать?

Мама спала за стенкой.

— Утром спросишь у мамы — если разрешит...

Он не выдержал — разбудил маму.

— Сказала: молодец! Меня, говорит, не будет, а стихи останутся».

Он угадал время своего ухода:

Жду осени...

Я осень читаю, как повесть...

Я с природы осенней

Серых глаз не свожу...

Журавли собирают пожитки.

Небо в трещинах, как потолок...

В «Чаше» уже начинается «Иная речь» — в посвящении погибшему брату:

Когда же я тебе о новостях

Поведаю не письменно, а устно?

Только сорные травы упрямо

Поднялись над могилкой родной.

И прошу я, как маленький: «Мама,

Приходи поскорее за мной».

Бродяга пытается обустроить не жизнь свою, а смерть — предстоящее путешествие в небеса.

В «Заповеди» он по-крестьянски всё расписал: «Вот что сделать будет надо...»

Я не знаю, как там меня встретят,

Но проводят меня хорошо.

И всё-таки:

Я к смерти ещё не готов.

Это — разговор с Мандельштамом:

Мне бедная земля была как небеса.

У Осипа Эмильевича было:

Но люблю эту бедную землю...

Это постоянная решетовская тема — земля и небо:

На дымок от русской печки

Опирается оно...

Мой серый взор стремится в синеву...

Птицы — вот его защита:

Иволга знает своё ремесло...

Я ведь знаю, что птичка синичка

Защитит меня синим крылом.

«Тёмные светлы» написаны уже слабым пером. В стихах — вся его жизнь. Друзья соберутся меня помянуть, А мне, невидимке, и любо взглянуть! Скрывать Лёше от нас нечего. Поэтому в ранних стихах:

Горите, флаги красные, горите!

Потом:

Повсюду советская власть

Развесила красные флаги.

И ещё:

Что мне делать? Я не верил в Бога.

Потом:

— Ты веришь в Бога?

— Я пытаюсь верить...

И наконец:

И печалюсь... И верую

Во Иисуса Христа.

Вот о чём он пожалел на излёте жизни: «Не купил маме туфли... никогда не видел моря и не летал на самолёте...»

Я слышал, что перед смертью Лёша открыл глаза: «Маму видел и бабушку» — и улыбнулся.

Собрать бы последние силы,

Склониться над белым листом

И так написать о России...

«Сколько было поэтов прелестных В восемнадцатом веке, в других — В медных, каменных и железных И бог знает ещё каких.

Вы же сделали мне предпочтение,

Столь любезное для поэта,

Пригласили меня на чтение,

Вы бы знали, сколь

сладостно это...»

Не желая нисколько успеха,

Только в звуке искал ответ

Середины двадцатого века

Неизвестный великий поэт.

Он читал стихи еле слышно,

Поклонился и был таков,

Потому что сказано свыше:

Впереди ещё много веков. ■